

В поисках чуда

Все режиссеры знают — зритель бывает разный. Но есть страна, где он совершенно особенный. Это Россия. Режиссер Анатолий СИЛИН* объездил с уличными театрами пол-Европы и имел редкую возможность сравнить реакцию российского и зарубежного зрителя на одни и те же спектакли.

С фестивалем уличных театров «Караван мира» мы побывали в Москве, Петербурге, Варшаве, Праге, Западном Берлине, Копенгагене, Базеле, Лозанне, Блуа и Париже, показывали одни и те же спектакли. Среди них было представление испанского цирка «Perillos», который работал под открытым небом. В его пантомиме играли две девочки и два мальчика, причем маски были перераспределены: девочки были свирепыми амазонками, а мальчики — благородными рыцарями. И по ходу спектакля амазонки неожиданно бросались в толпу зрителей, выхватывали оттуда «жертву» — девушку — и, затолкав ее в клетку, поднимали на высоту 10 метров. А два рыцаря пытались ее спасти.

Когда в Москве и Петербурге они проделывали этот номер, то девушка из числа зрителей, которая до этого аплодировала и смеялась, начинала упираться руками и ногами. А если с ней были кавалер или подруга, они ее держали. Иногда у артистов даже ничего не получалось. Если же им удавалось затащить ее в клетку и поднять на самый верх, первое, что она делала, — садилась на корточки и натягивала юбку на колени, прикрывая ноги. Так она сидела — жалкая, несчастная, в слезах — пока ее не вызволяли. Она выходила из клетки униженная, забитая, и вместо праздника у нее была катастрофа.

Стоило нам пересечь границу, картина менялась полностью. В ту секунду, когда артисты начинали выбирать жертву, все девчонки выскакивали им навстречу с просьбой взять именно их. И когда одну из них сажали в клетку, она на эти сорок минут становилась королевой бала. Она всем демонстрировала свои ноги, была в полном порядке, а весь зал кричал ей снизу на своем языке что-то типа «Машка, давай!». Она была НАД толпой. И когда клетку опускали, девушка не хотела оттуда выходить, потому что в этот момент кончался ее звездный час и она снова становилась «одной из»...

Свой человек в зале

В США есть потрясающий театр — «Перформанс групп», которым руководит знаменитый режиссер Ричард Шехнер. Он «помешан» на теме вовлечения зрителя в действие. Один из его спектаклей — «Коммуна» — артисты играли в помещении большого гаража. Он начинался с того, что открывались огромные ворота и зрителей встречали актеры, которые предупреждали, что войти внутрь можно только сняв обувь.

Часть людей тут же поворачивала назад, проклиная дурацкие новации: кто-то надел новые ботинки, желая произвести впечатление, и ему жалко сваливать их в кучу, а у кого-то, извините, нос-

ки дырявые... Оставшаяся часть зрителей снимала обувь и заходила внутрь. Там их уже ни на минуту не оставляли в покое: на протяжении спектакля они прыгали, плясали и пели наравне с артистами.

После представления я спросил у Шехнера: «Дик, а зачем обувь-то снимать?» Он посмотрел на меня, как на ненормального: «Как же ты не понимаешь? Одним этим приемом мы отсеиваем «своего» зрителя от «не своего». То есть человек, который пошел на то, чтобы снять обувь, в этот момент психологически принял условия игры. Далее, если понадобится, он снимет пиджак или брюки, будет плясать, петь, орать...

Это очень серьезная проблема для любого театра — иметь в зале своего зрителя.

Счастье в пене

У нас с вовлечением зрителя в массовое действие очень сложно. Во-первых, не воспитан сам зритель. Чтобы принять условия игры, ему нужно предварительно «принять на грудь». Во-вторых, у нас не воспитаны в этом плане артисты. Ведь искусство вовлечения зрителя в действие требует мгновенной импровизации, потому что совершенно неизвестно, как прореагирует человек, когда его начнут куда-то тащить или чем-то поливать.

У Вячеслава Полунина был блистательный и невероятно страшный уличный спектакль. На Западе все были уверены, что он — о Чернобыле, хотя речь в нем шла совсем о другом... Для этого спектакля, в какую бы страну мы ни приезжали, нанималась пожарная машина, которая появлялась в финале и заливала все пространство, включая артистов и зрителей, огромным количеством пены. Вся площадь, до этого полыхавшая кострами, оказывалась покрыта гигантскими белыми сугробами. Это был невероятно красивый и неожиданный финал, и спектакль кончался колоссальной овацией.

И вот этот спектакль идет на площади перед Театром Советской Армии. Ночь. Стоит десять тысяч народу. И когда машина начинает бить пеной, вдруг это громадное кольцо людей со страшной силой расширяется. Потому что любой наш человек понимает, что пена — это некий химический раствор, который, попав на костюм или ботинки, их испортит...

Тот же спектакль, но в Западном Берлине, на площади перед рейхстагом. Такая же толпа, те же овации. Машина начинает

бить пеной — и все смолкают. Никто не разбегается, наоборот, люди подтягиваются и смотрят во все глаза. Замолкла музыка, артисты раскланялись — и неожиданно толпа кинулась в эти белые сугробы и начала в них танцевать. Люди обмазывали себя и других этой пеной, они забыли обо всем на свете — потому что джинсы стоят копейки, а ТАКОЕ не купишь ни за какие деньги...

Зритель с грустными глазами

Я рассказываю и ловлю себя на том, что вроде бы говорю в «их» пользу. Это не совсем так. В той же Германии я наблюдал картину: на представлении «Лицедеев», едва из-за кулис появлялся клоун с красным носом, в зале сразу начинался дикий хохот. От смеха бюргеры буквально сползали со стульев. Я долго не мог понять, что тут особенно смешного — ведь это все равно что палец показать, и все засмеялись. А потом понял: люди за тем и пришли, чтобы похотать, получить удовольствие, они за это заплатили деньги. Когда в той же программе Полунин появлялся с какой-нибудь философской миниатюрой, где юмор — на втором плане, а на первом — тема одиночества, драма маленького человека, у них этот смех застревал в горле. Они чувствовали себя глубоко обманутыми. И нам пришлось изымать из программы целый ряд миниатюр, потому что «их» зритель этого воспринимать не желал. Хотя для нашего зрителя эти миниатюры были самыми лучшими.

В рамках фестиваля «Караван мира» международный театр «Футсборн» играл в России «Макбета». Это была очень специфическая, непривычная для нас постановка. Но наши зрители, в большинстве своем не знавшие языка (подозреваю, что многие не знали и пьесы), реагировали настолько адекватно содержанию, что иностранцы были потрясены. Они сказали мне, что такой точности и тонкости восприятия они не видели ни в одной стране мира.

Никогда не забуду, как перед отъездом «Каравана мира» из Петербурга в Европу белой ночью мы стояли с руководителем итальянского театра «Нуклео» Горацио Чертоком — и он со слезами на глазах сказал мне: «Толя, мы будем вспоминать эти три недели всю свою жизнь. У нас никогда еще не было такого зрителя, как в России...»

Записала
Наталья АЛЯКРИНСКАЯ

*Анатолий СИЛИН — заслуженный деятель искусств России, лауреат Государственной премии СССР, президент Международной Ассоциации постановщиков и организаторов массовых театрализованных представлений и праздников.